

ТЕАТР им. ЯНКИ КУПАЛЫ «Калиновая рошя». Романюк — арт. Г. Глебов.
Батура — арт. Л. Рахленко, Василися — арт. Т. Шашалевич, Надежда — арт. И. Жданович.

Эта противоречивость в сценическом решении темы сказалась и на актерском исполнении. Роль Колесникова — самая трудная в спектакле. Комиссар Колесников в пьесе не столько руководит людьми, сколько произносит эффектные реплики «под занавес» и абстрактные монологи о патриотизме и воинской чести. Верный первоначальному режиссерскому замыслу, засл. арт. БССР Б. Кудрявцев старается оживить образ, придать ему конкретные индивидуальные и в то же время типические черты. Его герой — скромный, молчаливый, кажущийся вначале незаметным человеком. Но затем становится ясным, что этот скромный комиссар не «состоит при начальнике гарнизона», а является идейным руководителем и организатором всех защитников крепости. Кудрявцев подчеркивает в своем герое умение слушать людей, оценивать их, руководить ими. Просто и глубоко проведены Кудрявцевым сцена со своей женой, отказавшейся эвакуироваться из осажденной крепости, сцена объяснения с Ермашовым, начальником гарнизона, спокойно дающим Колесникову указания на случай своей смерти. И вдруг эти простые и искрен-

ние сцены сменяет декламация, Кудрявцев эффектно опускается на колени, целует знамя, произносит риторический монолог, сопровождая его однообразными «ораторскими» жестами, потом знамя торжественно уносят под звуки военного марша. Эта помпезная сцена не дополняет, а разрушает тот образ простого и скромного комиссара, который уже сложился в восприятии зрителя.

Артист А. Барановский, в целом просто и правдиво играющий героя-бойца Катущку, иногда тоже сбивается на создание образа «весельчака вообще», начинает «вообще» смешить публику, не заботясь о содержании всей сцены. Так, Барановский вдруг начинает утомительно обыгрывать сцену завязывания глаз немецкому парламентару Траубе. После долгой возни с повязкой Катущка протягивает Траубе древко его же белого флага, за который тот беспомощно хватается. Тогда Катущка выхватывает у Траубе флаг под хохот бойцов, издевающихся над бессловесностью парламентаря, потом он опять подает флаг и опять вырывает его. Эта ненужная, самодовлеющая игра повторяется несколько раз, отвлекая внимание зрителей от главного

в образе советского воина, в целом верно сыгранного Барановским.

Но есть в этом спектакле и другая крайность. Иногда режиссура и актеры, стремясь уйти от абстрактно-театрального выражения героики, чересчур снижают сценические образы защитников крепости. За внешние верными «физическими действиями» подчас теряется ощущение сверхчеловеческих трудностей, преодолеваемых людьми во имя Родины, теряется напряженность внутреннего действия, которая должна все время чувствоваться в этом спектакле. Хорошо, что Даша (Е. Ковалева) — скромная, молчаливая женщина, получив задание перейти линию фронта, уходит со сцены совсем просто, без всякого внешнего изображения «стальной решимости» своей героини. Но плохо, что в ее поведении не чувствуется той внутренней собранности, напряженности, которая должна быть у человека, идущего на опаснейшее дело.

Засл. арт. БССР Б. Полло, играющая жену Колесникова, и А. Барановский — Катушка внешне правдиво и просто проводят сцену на передовой. Колесникова ловко перевязывает руку Катушке, тот ее раздраженно топчит: «Скорей, сестрица, скорей... тут вам не институт Склифасовского»... Враги наступают. Катушка бросается к пулемету, но раненая рука мешает ему стрелять. Тогда Колесникова занимает его место у пулемета. Кажется, актеры все делают верно, правдиво, а сцена не захватывает зрителей — слишком спокойно смотрит Катушка на приближающегося врага, Надежда Петровна «постреливает» из пулемета за кулисы, а не стреляет в упор, потому что «патронов не хватает», не отбивает яростной атаки врага.

Именно в этом спектакле особенно важна передача «внесценической жизни» героев, доведение атмосферы непрерывного боя, который идет за сценой. «Сниженность» звучания спектакля идет как раз за счет того, что актеры не всегда доносят эту «жизнь за сценой».

Там же, где режиссер идет от действительности, от жизненного содержания образов советских людей, где ощущает и полно передает внутреннюю жизнь образа, там спектакль становится волнующим, искренним и глубоким. Жизненную сложность образа, все оттенки характера своего героя — от основных его идей и стремлений до кажущихся второстепенными деталей, без кото-

рых образ не заживет полной жизнью, передает нар. артист БССР В. Влодарский, играющий начальника брестского гарнизона Ермашова. В его Ермашове чувствуется и старый кадровый военный, и прекрасный командир, и просто добрый и чуткий человек.

Такая же конкретность, жизненность отличает игру З. Браварской (Нина Иванова) и В. Кравцова (Траубе). Браварская создает жизненный, типический образ волевой и храброй советской девушки, поглощенной работой, в заботах о раненых забывающей свое личное горе. В. Кравцов доносит и отчаяние своего героя, которого хотят разжаловать за неудачное наступление, и жестокую радость Траубе, узнающего, что в осажденной крепости нет воды, и его уважение к противнику, и превосходство над тупым солдафоном-генералом. Именно поэтому Траубе, сыгранный Кравцовым, становится жизненным и обобщающим образом умного, беспощадного врага, а не одной из тех поверхностных карикатур, какими иногда еще бывают фашисты в наших спектаклях.

Театр немало поработал с молодым автором над его пьесой. Однако театру не удалось преодолеть авторского схематизма образов героев, не удалось целиком раскрыть большую патристическую тему, хотя в спектакле и есть безусловно удачные актерские образы, есть интересные режиссерские решения.

Оба последних спектакля Театра имени Янки Купалы — «Калиновая роща» и «Жаворонки поют» рассказывают о послевоенной жизни колхозов — украинского и белорусского, о той борьбе за построение коммунизма, которая идет в нашей деревне, о новых чертах в характере советского человека.

Пьеса «Жаворонки поют» как бы продолжает «Калиновую рощу» Корнейчука. Романюк хвастается тем, что он свой колхоз «довел до среднего уровня», но потом понимает, что его колхоз должен быть не средним, а лучшим. А что такое лучший колхоз? Какой колхоз можно назвать лучшим? На этот вопрос отвечает новая пьеса Крапивы. И решается эта проблема автором не отвлеченно, не абстрактно, а в образах живых советских людей, судьба которых по-настоящему интересует зрителей.

И Санжиков — постановщик пьесы Крапивы и Сушко — постановщик «Калиновой рощи» — не просто стремятся к созданию весе-